

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ АНТОНА ЛЕОНТЬЕВА В СЕРИИ «АВАНТЮРНАЯ МЕЛОДРАМА»

Нина Арбенниа.

Путешествия по литературным мирам

- Пепел книжных страниц
- Ее настоящая жизнь
- Остров вчерашнего дня

Журналист Федор Крылов:

в когтях шокирующих сенсаций

- Лига охотников за вампирами
  - Имя мне легион
- Тайный приют олигарха
- Бизнес-ланч у Минотавра

«Меня зовут Элька Шрепп,
полиция Гамбурга»

- Закат созвездия Близнецов
- Святой нимб и терновый венец
- Дворец, где разбиваются сердца

Под скипетром Бертрана:

триллер и гламур на Лазурке

- Крапленая карта мира
- Шпионка, пришедшая с севера
  - Восьмой смертный грех
  - Демоны зимних ночей
- Воздушный замок Нострадамуса
  - Побег с Лазурного берега

Жемчужина Адриатики Герцословакия:

в клубке роковых страстей

- Ключ к волшебной горе
- Профессия – первая леди
- Шоу в жанре триллера
- Лес разбуженных снов
- Ночь с Каменным Гостем
- Корона последней принцессы

Южноамериканский рай Коста-Бьянка:

океан, любовь, убийство

- Хозяйка Изумрудного города
  - Кровь Троянского коня
  - Звездный час по тарифу
- Город и его страхи
  - Трудно быть солнцем
- Вечер в городе соблазнов
  - Жрец смерти
- Часовня погубленных душ
  - Венец творения
  - Тринадцатая Ева
- Танцующая с дьяволом
  - Ремейк кошмара
  - Алхимия иллюзий

«Жизнь – это коробка шоколадных

конфет: никогда не знаешь,
какая начинка тебе попадется»

- Девять с половиной идей
- Золотая клетка для синей птицы
  - Последний бог
  - Код одиночества
  - Знак свыше

- Вечной жизни не хватит
- Миф страны эдельвейсов
- Небо слишком высоко
- Под маской хеппи-энда
  - Билет в Зазеркалье
- Гордость и преступление
  - Флакон смерти №5

• Фиалок в Ницце больше нет

Артефакт-приключения: в поисках
сокровищ и любви

- Вилла розовых ангелов
  - Хранители судьбы
  - Ночь всех святых
  - Русалки белого озера
- Отель сокровенных желаний
- Мольберт в саду Джоконды
- Мечь глубокой заморозки
- Вечность продается со скидкой
  - Вендетта. День первый
  - Псевдоним Венеры
    - Огненный холод
  - Связанные одной тайной
- Зеркальный лабиринт мести
- Мертвые канарейки не поют
  - Сад мертвых бабочек

Удар сердца, вздох призрака

- Еще один знак Зодиака
  - Призраки страсти
    - Глаза цвета тьмы
  - Интервью с магом
  - Путешествие в сны
    - Луна на дне пруда
- Жизнь – это сноса
в неоконченном романе
  - Обратная сторона смерти
    - Потрошитель душ
  - Крылатый сфинкс, печальный чербер
- Ведьма по недоразумению Ада Булгакова
  - Ярость херувимов

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

САД
МЕРТВЫХ
БАБОЧЕК

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47 Сад мертвых бабочек / Антон Леонтьев. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Авантюрная мелодрама).

ISBN 978-5-04-172142-8

У Анжелы есть страшная тайна: спасая себя и детей, ее мать застрелила своего бойфренда-садиста. С тех пор семейство в бегах: скитается по большой стране, нигде надолго не задерживаясь. Но Анжеле и ее младшему брату трудно не привлекать к себе внимания: они мулаты. К тому же девушка растет красавицей, и это приносит одни неприятности, так что надеяться на тихую жизнь не приходится. Наконец в маленьком провинциальном городке Анжела находит и верного друга, и первую любовь, но вскоре из-за могущественных врагов теряет все, что ей дорого. Пройдет немало лет, прежде чем она узнает, кто виноват в ее бедах, и сумеет отомстить...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172142-8

© Леонтьев А.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

У ночи четыре луны,
а дерево — только одно.
Как бабочка, сердце иглой
к памяти пригвождено.

Ф. Г. Лорка

— Лето-то в этот год какое дивное, — донеслось до Анжелы, остановившейся и с трудом переводившей дух. Она пыталась понять, где они оказались и куда им, собственно, бежать дальше. — Все в бабочках!

Бежать, чтобы спастись.

Голос шел откуда-то из-за растущих вдоль берега деревьев, надежно скрывавших от ее глаз невидимых отдыхающих. А ее, соответственно, от них.

Однако любопытство праздных туристов, которые в этот жаркий летний день расположились на берегу реки, было ее самой крошечной в этот момент проблемой.

Ее и Вальки.

— Мы от них оторвались? — спросил с дрожью в голосе Валька, ее верный спутник, попутчик по несчастью и...

И вероятно, ее первая любовь.

Анжела бросила быстрый взгляд на невысокого рыжеволосого вихрастого подростка, на усыпанном конопушками носу которого сидели огромные, с толстыми линзами, роговые очки из разряда «дедушкиных».

Неудивительно, что именно эти очки, впрочем, вкупе с начитанностью Вальки, его нелюбовью к дворовому футболу и хорошим отношением со стороны всех без исключения (разве что физрука) учителей их школы и сделали его постоянной и любимой мишенью местной шпаны.

Ну и она сама к этому тоже, надо отметить, имела некоторое отношение — к тому, что им этим летним днем пришлось спастись от местной шпаны.

Той самой, от которой они задыхаясь бежали вдоль реки куда глаза глядят.

— Не знаю, — ответила Анжела, потому что действительно не имела понятия, а в этот момент голос второго невидимого отдыхающего, точнее, отдыхающей (тембр был женский), наверняка развалившейся на мелком сероватом песочке импровизированного пляжика местной реки, произнес:

— Да, да, сколько их. Ух, смотри какая! Махаон, что ли?

— Да нет же, адмирал! И еще один! А тут вот желтенькая, лимонница, кажется. Смотри, сейчас на наш салат присядет.

— Лето в бабочках!

Ну да, они были правы: в тот год бабочек было невесть как много — разных, больших и маленьких, ярких и незаметных, с узорами и без, утренних, дневных и даже ночных.

В самом деле, *лето в бабочках*.

Что ни говори, а была прелесть в этом городке, где она оказалась вместе с мамой и младшим братом Никиткой. Не по своей воле.

А будучи в бегах.

Получается, что, сбежав в этот городок, ей *вновь* приходится удирать — на этот раз от школьных хулиганов?

— Давай передохнем! — предложил Валька, физическая форма которого была далеко не так хороша, как у Анжелы. — Ну, ты, мать, и даешь — настоящий стайер, спортсмен на длинные дистанции. В марафоне участвовать не пробовала?

В голосе Вальки явно сквозило восхищение Анжелой. Что ж, она уже поняла, что он к ней неравнодушен.

А вот *она* к нему?

Вокруг них порхали бабочки — невероятно большие и в нереально огромном количестве. Ну, прямо как в сказке или мультфильме!

— Еще бы, у тебя ведь такое в крови. Гены... Ведь самые быстрые бегуны на этой планете — кенийцы, ты ведь знала?

Анжела не знала и вдруг поняла, что момент, казавшийся ей волшебным, внезапно словно пошел кри-

выми острыми трещинами, как зеркало, по которому ударили.

Ну да, кровь... *Гены*. Валька же наверняка комплимент ей стремился сделать и похвалить хотел — да что там, и похвалил, сравнив ее выносливость и физические данные с кондицией лучших бегунов планеты.

А в итоге снова напомнил ей о том, почему они, собственно, здесь оказались.

На этой извилистой дорожке меж деревьев, около реки, окруженные порхающими бабочками.

Вот из-за этого и оказались: из-за рыжих вихров Вальки и из-за его толстенных очков (то есть из-за его генов), ну и само собой, из-за *нее*.

Нет, очков Анжела не носила, волосы у нее были черные, блестящие, вьющиеся — и им завидовали школьные красавицы. Как, впрочем, и ее грациозной, уже не детской, фигуре и длиннющим ногам идеальной формы.

Все бы, по мнению местной шпаны, ничего, если бы не одно но: гены ее отца, выходца из Африки, давали о себе знать, и Анжела была смуглее любой школьной красавицы, прожарившейся четыре недели подряд в Адлере.

Не заметив, что на лице Анжелы возникло скептическое выражение, впрочем, быстро исчезнувшее, Валька, протирая очки, заметил:

— Исккупаться бы сейчас, а то я взмок весь!

Ну да, Анжела, как и ее младший братик Никитка, везде были экзотами — еще бы, мать у них белая, а дети — темные.

Кто же тогда был их отцом?

Понятно, что этот вопрос занимал любого и каждого, где бы они ни оказались, но в большом городе, где они жили раньше, с этим было как-то легче.

А вот с тех пор, как они этим *летом в бабочках* оказались здесь, в этом городке у реки, затеряться в толпе стало весьма и весьма сложно.

Нет, не оказались — а *бежали*.

Впрочем, мама и сама это понимала: еще бы, таинственная красавица, белая женщина с двумя детьми, отцом которых однозначно являлся африканец, — это

была троица, привлекавшая к себе самое пристальное внимание.

Как и тот факт, что у них, судя по всему, водились деньги, и это несмотря на то что мама толком не работала, а только подрабатывала.

Анжела знала, что еще до конца лета они снова отправятся в путь — обычно на новом месте они задерживались не дольше полугода.

На это были *причины*.

Здесь, в этом полном неги и предрассудков провинциальном местечке, они вряд ли пробудут так долго. Учебный год закончился, и хотя в здешнюю школу Анжела ходила всего три месяца, ей этого здесь хватило.

Нет, им следовало отправиться дальше.

Вернее, конечно же, *бежать*.

— А что, давай! — согласилась Анжела, все всматриваясь в просвет между деревьями. Нет, в самом деле: оторвались!

Все ведь было очень просто: Вальку местные хулиганы шпыняли за то, что он рыжий, неспортивный и в уродливых очках. Ее же за то, что она была вместе с Валькой. А также за то, что перешла дорогу тому, кому не следовало.

Ну и конечно, потому что кожный пигмент у нее был не такой светлый, как у абсолютного большинства населения городка.

И, продравшись сквозь кусты, они оказались на берегу речки. Бабочки окружили их и здесь, словно пытаясь с ними познакомиться.

— Год бабочек является пиком цикла, обычно семи-, иногда девятилетнего, — сказал, стаскивая с себя майку, Валька. — Такое еще цикадам свойственно. Но если этот год будет *в бабочках*, то следующий, следуя непонятным законам, совсем без них — годом *без бабочек*!

Валька знал все и обо всех — его любимым чтением была «Большая советская энциклопедия», имевшаяся у него дома.

А также различные научные книжки, которые он таскал из местной библиотеки.

— А тогда скажи мне, какая здесь глубина, Эйнштейн! — крикнула Анжела, сбрасывая летнее платье

и оставаясь в купальнике, а затем бросаясь в теплую, словно парное молоко воду.

И бабочки — они продолжали виться и над водой.

Валька, в черных трусах по колено, осторожно попробовав ногой воду, как будто был не июль, а январь, скрестив руки на груди, стал заходить в речку.

Анжела, помахав ему рукой, нырнула. Раскрыв под водой глаза, она увидела размытую изумрудную картинку — и подумала о том, что все в городке, собственно, начиналось не так уж и плохо.

Тогда, в середине весны, когда они с мамой и Никиткой прибыли сюда, находясь в бегах.

— Доброе утро, ребята, — произнесла молодая полная учительница, представляя Анжелу 9 «Б» классу. — В нашей школе появилась новая ученица, а у вас — новый товарищ по классу. Анжела Иванова.

Ребята, частично еще не выспавшиеся, жевавшие жвачку и даже слушавшие что-то из разряда хард-рока по плееру, как один уставились на новенькую.

Анжела к этому привыкла — еще бы, это же была не первая ее школа. И явно не последняя.

С тех пор как они оказались в бегах.

И во всех этих классах меняющихся школ, областей, городов и частей страны Анжела всегда волей-неволей оказывалась в центре всеобщего внимания.

Еще бы, ведь она мулатка, почти что негрityнка!

Мама не любила *ни* одно, *ни* другое слово. Ведь первым обозначали потомство осла и кобылы, а второе вообще было расистским выраженьцем.

Во всяком случае, на Кубе, родине ее отца, которого Анжела не знала и который, как заявляла мама, был там *сыном одного крайне важного человека*, более того, сына ближайшего соратника самого Фиделя Кастро.

С будущим отцом ее детей мама познакомилась во время его учебы в Москве, откуда он по приказанию своего высокопоставленного папочки был вынужден уехать обратно в Гавану, оставив свою русскую любовь на сносях, потому как ему самому надлежало жениться на девушке своего класса, то есть представительнице местной партийной элиты.

— Ну, Анжела, не стесняйся, расскажи нам о себе! — приободрила ее учительница. А Анжела, которая ничуть не стеснялась (потому что за прошедшее время уже отрепетировала историю, которую она презентовала в каждой своей новой школе), улыбнулась и обтекаемыми фразами, к которым давно привыкла, поведала о том, что *они переехали из-за новой работы мамы, что она рада оказаться в новом коллективе, что новое место пришлось ей по душе.*

В общем, как водится, сплошное вранье.

Когда она завершила, то один из одноклассников потянул руку.

— У меня вопрос, Марина Федоровна! Очень важный!

— Ну, Ахтюбин, задавай уж. Только без твоих вечных шуточек.

Анжела и по виду этого типка могла бы с уверенностью сказать, что это местный клоун: навидалась подобных она уж предостаточно.

— А почему если ты рабыня с плантации Алабамы, то фамилия у тебя Иванова? Должна ведь быть *Джонс!*

К шуточкам и оскорблениям, сводившимся к цвету ее кожи, Анжела уже тоже давно привыкла.

Класс грохнул, а учительница, покрываясь бордовыми пятнами, зашумела.

— Можно ответить? — спросила лениво Анжела, и когда раскудахтавшаяся Марина Федоровна наконец смолкла, ответила:

— Мой отец — не раб и никогда им не был. Он — сын одного из ближайших сподвижников Фиделя Кастро. Увы, он умер очень молодым.

Тут она приврала, но последние полтора года жизнь их семьи состояла из сплошного вранья, так что не так-то и страшно.

Тем более в сказочку о том, кем являлся ее отец, Анжела раньше верила безоговорочно, но в последнее время стала сомневаться: уже не потчует ли ее мама романтическими рассказами, как она сама потчует сейчас оными притихший класс?

— Круто! — произнес кто-то в восхищении, а Анжела вздохнула:

— Нет, не круто, конечно, когда твой отец умер, но что поделать. Я его не помню.

А вот это уже была *чистая правда*.

Понимая по сверкающим глазам новых одноклассников, что симпатии полностью на ее стороне, Анжела нанесла финальный удар. Расистам, как учила ее мама, нельзя давать спуску, а этот местный клоун Ахтюбин был сущий расист, хоть и пока юный.

— Кстати, если хочешь избавиться от своих ужасных прыщей, то можешь обратиться к моей маме. Она сделает по старинному кубинскому рецепту такую протирку, что у тебя враз все пройдет. А то, наверное, самому в зеркало смотреться неприятно, да и девушки на тебя не заглядываются. И не только девушки...

Класс снова грохнул, а клоун Ахтюбин, лицо которого, в самом деле, было густо покрыто угрями (что, не исключено, и заставляло его вечно хохмить, пытаясь это компенсировать), не спрашивая разрешения, пулей выбежал из класса.

На перемене к ней подплыла высокая блондинка, в ушах которой сверкали явно не стразы.

— Меня Зоя зовут. Ловко ты этого идиота уделала! У меня отец — прокурор нашего города. И на выходных я отмечаю свой день рождения. Ты же придешь?

Зоя, как узнала Анжела на этом самом дне рождения, где стала объектом повышенного внимания не только приглашенных подростков, но и взрослых, была некоронованной королевой не только класса, но и всей школы.

Еще бы, имея более чем влиятельного папу (который преподнес ей на пятнадцатый день рождения шикарное кольцо с небывалым камнем), можно было стать и королевой коронованной.

И таких, как Зоя, Анжела также видела-перевидела: избалованные и туповатые, они всегда искали экзотики, которая могла бы оттенить их собственную красоту — но заполучить их во враги было бы *крайне* неразумно.

Крайне неразумно, тем более если у такой вот королевы папаша — прокурор.

Анжела делать Зою своим врагом не намеревалась, тем более что на первых порах они очень даже хорошо понимали друг друга.

До летних каникул оставалось всего ничего, а потом, к осени, их — мамы, Никитки и ее самой — в этом городке уже и след простынет.

О чем, конечно же, никому знать не требовалось.

И уж точно *не* дочке прокурора.

Но эта Зоя оказалась особой приставучей и, главное, привыкшей получать то, чего она желала.

А желала она в данный момент одно: экзотическую и такую *другую* Анжелу в свои лучшие приятельницы.

Анжеле это претило, но делать было нечего — в ее планы не входило настраивать Зою против себя.

Так бы все и завершилось: *ничем*, и однажды дочка прокурора узнала бы, что Анжела с семьей уехала из городка, так с ней и не попрощавшись.

Ну, погоревала бы и забыла — или даже *не* погоревала бы.

Но, как назло, у Зои имелся ухажер — местный спортсмен Кирилл старше ее на два года.

Анжеле практически с первой встречи с Кириллом стало понятно, что он положил на нее глаз. А когда он, так театрально лебезивший перед Зоей и в особенности перед ее папашей, вдруг начал приставать к Анжеле, та оттолкнула его и сказала:

— Не забывай, я — несовершеннолетняя!

Спортсмен Кирилл загоготал:

— Что за совпадение, я — тоже! Ну, мулатка-шоколадка, не ершись, дай от тебя немного откусить...

Анжела заехала ему по губам тыльной стороной ладони — несильно, но хватило, чтобы брызнула кровь.

— Ты что, сдурела? — завопил спортсмен, а Анжела честно ответила:

— Еще нет, но могу, если не сбавишь обороты. И вообще, все Зое расскажу!

Делать этого она не намеревалась, но угроза, кажется, подействовала: Кирилл перестал к ней лезть, обращаясь с ней как с пустым местом.

И на том спасибо.

— А что у Кирилла с губой? — спросила в следующий раз Анжела, когда встретилась с Зоей и ее ухажером.

Губа некрасиво распухла, отливая фиолетовым.

— На тренировке заработал, мой спортсмен! — заявила не без гордости Зоя.

Анжела не стала задавать вопрос, что же именно Кирилл тренировал, а протянула ему плитку шоколада.

— Для больного спортсмена! — сказала она голосом не менее сладким, чем шоколад, который она презентовала Кириллу.

На обертке шоколадки была изображена знойная чернокожая танцовщица, и называлась сия сладость «Мулатка-шоколадка».

Заметив ее в киоске, Анжела не устояла перед соблазном приобрести эту вкусность с расистским названием и вручить ее страждущему.

Тому самому, который травму губы на тренировке заработал.

— Кирюша, как это мило со стороны Анжелы! Ну, не дуйся, скажи ей спасибо!

Кирюша, кажется, пытался испепелить ее взглядом, но не получилось.

Если бы на этом «обмене любезностей» все и закончилось, то ничего бы страшного, в сущности, и не произошло.

Увы, *не* закончилось.

Так как Кирилл больше внимания к ней не проявлял, Анжела решила, что опасность миновала.

Как бы не так.

В один из последних учебных дней кто-то кинул ей на парту записку. Оказалось, что от Зои, которая просила ее подгрести к старому, неработающему, спортзалу, в котором по вечерам проходили курсы шейпинга.

Самой Зои в тот день в школе не было — «заболела». Хотя шептались, что просто вместе с родителями поехала осматривать новый особняк, который они намеревались купить.

Только когда Анжела вывернула из-за угла старого спортзала, поняла, что Зоя тут ее не ждала и никакой записки, соответственно, ей не писала.

Там ее ждал ухмыляющийся Кирилл (губа уже полнотью зажила), а также его накачанные дружки.

— Вот она, мулатка-шоколадка! — заявил он со смехом. — Сама пришла!

Анжела развернулась, чтобы убраться прочь, но поняла, что дорогу ей преградили приятели Кирилла.

— Кстати, твою шоколадку я тогда слопал с удовольствием. Посмотрим, сумеешь ли ты доставить нам такое же, мулатка-шоколадка! Парни, хватай ее!

И хотя Анжела сопротивлялась, извивалась и даже кусалась, силы были явно неравные — и дружки Кирилла, скрутив, втащили ее в спортзал, залитый полуденным солнцем. Анжела кричала, но никто, кажется, ее не слышал. Только мелькнули где-то за углом рыжие вихры — и столь же молниеносно пропали.

Бросив ее на пропахшие многолетней пылью маты, разгоряченные спортсмены окружили ее плотным кольцом.

— Учтите, я — несовершеннолетняя! — заявила Анжела. — Вам всем знаете какие сроки дадут?

Выступивший вперед Кирилл заявил:

— Да ладно, никто тут тебя насиловать не намеревается! Ты для нас стриптиз исполнишь!

— *Что?* — переспросила Анжела, а Кирилл, рванув бретельку ее сарафана, под которым обнажилась ее грудь, заявил:

— Ого, а наша мулатка везде шоколадка! Давай, спляши, у тебя же ритм в крови.

Ну да, конечно: раз у ее отца африканские корни, то она просто *должна* автоматически лихо отплясывать все танцы всех народов мира, вероятно даже, и Крайнего Севера.

— Может, все же гопака? — осведомилась Анжела, прикрывая грудь.

Кто-то из парней хмыкнул и произнес:

— Кирюх, ты это, того, полегче. Ну, напугали, и все тут. Не нужны нам тут неприятности...

Анжела энергичным кивком головы подтвердила:

— Ой как *не* нужны. А они будут, если немедленно не расступитесь и не отпустите меня.

Раскрасневшись, спортсмен Кирилл, явно желавший ей отомстить, заорал:

— Парни, мы же не трахать ее будем, это было бы, само собой, преступление. Она нам просто стриптиз устроит. Голой!

И, обведя всех притихших товарищей взглядом, произнес:

— *Негритянский стриптиз!*

Анжела решила, что кукиш на постном масле он получит, а не стриптиз.

— Учтите, это тоже статья Уголовного кодекса! — пригрозила она.

Кирилл рявкнул:

— У меня будущий тесть — прокурор города. Ничего никому не будет, парни, это я обещаю.

И, вцепившись в плечо Анжелы, сорвал вторую бретельку.

— Остальное сама снимешь. Ну, давай, исполняй для нас стриптиз, мулатка-шоколадка! Давай же!

Подзадоривая своих соучастников, Кирилл стал хлопать в ладоши:

— Ну, давай же, мулатка-шоколадка, сисей потряси, писю покажи!

Несколько субъектов присоединились к нему, скандируя этот идиотский лозунг подростков, в чьей крови кипели гормоны, а в мозгах — расистские стереотипы.

— Начинай черный стриптиз для белых парней! Мулатка-шоколадка, сисей потряси...

Анжела дала себе слово — пусть что хотят с ней делают, но устраивать стриптиз для этих разгоряченных молодчиков она не будет.

— Что тут происходит? — раздался громовой голос, и юные любители черного стриптиза вдруг бросились врассыпную.

На пороге спортзала стоял облаченный в свой вечный зеленый спортивный костюм физрук, а из-за его спины боязливо выглядывал рыжий очкарик из параллельного класса.

Так как молодые люди были заняты тем, чтобы, подобно болотной нечисти, застигнутой криком петуха в церкви, где гоголевский Хома отпевал грешную Панночку, кто как, в основном через черный ход и окна, вылезти наружу, а Кирилл, будто не желая переступить

через меловой круг, замер с открытым ртом, ответ дала Анжела, скрестившая на груди руки.

— Сеанс черного стриптиза от мулатки-шоколадки для будущего зятя прокурора города и его похотливых приятелей. Можно вызвать милицию, я хочу подать заявление?

Мама ее ругала — за то, что подала-таки заявление и привлекла к своей персоне внимание милиции города.

— Мамочка, не ругайся, прошу тебя! — Пятилетний Никитка прижался к матери, и та в самом деле замолчала.

Братец хитро посмотрел на сестрицу — он был маминым любимчиком и умел этим пользоваться.

Хоть отцы у них были разные, любила Анжела Никитку до безумия. Как, впрочем, и маму, которая хоть и могла повопить, но быстро брала себя в руки — да и ведь по делу устроила ей головомойку.

— А что, мне надо было позволить этой шобле изнасиловать меня? — спросила с вызовом Анжела.

Никита, мальчик любознательный, тотчас спросил у матери:

— Мамочка, а что такое *изнасиловать*?

Мама, начисто проигнорировав его вопрос, заявила:

— Не надо связываться черт знает с кем! Сколько же раз говорила тебе!

— Я с ними и не связываюсь, это они со мной решили связаться. И желали, чтобы я им стриптиз исполнила — *негритянский* стриптиз!

Никитка не остался в долгу.

— Мамочка, а что такое *стриптиз*? А можно я его тоже исполню?

Ходу делу не дал папаша Зои, прокурор города, и маму Анжелы официально проинформировали, что в возбуждении дела отказано за *отсутствием состава преступления*.

Но это было уже позже, когда в предпоследний день школы Зоя, похожая на фурию, подбежала к Анжеле и, закатив ей оплеуху, завизжала:

— Ты что творишь, *негритоска*?

Перехватив ее руку, которой дочка прокурора явно желала ударить ее снова, Анжела заметила:

— Лучше ты скажи, что ты творишь, *подружка насильника?*

Опешив, Зоя смолкла, однако через пару мгновений пришла в себя.

— Ты оклеветала моего Кирюшу, выставив его исчадием ада!

— Ну, зачем его выставлять, если он и в самом деле такой. Он и его перекачанные дружки.

— Заткнись, негритоска! Иди собирай хлопок на плантации штата Алабамы!

Ну да, как же все просто: чуть поскреби такую Зою, и тотчас проявится ее расистское нутро.

— Хлопок растет в штате Миссисипи, если мне память не изменяет.

— *Чего?*

Пока Зоя пучилась на нее, на помощь пришел тот рыжий парнишка в очках, который, став свидетелем нападения на Анжелу около старого спортзала, и кинулся к физруку.

Поправив очки, Валька (а это был именно он) менторским тоном произнес:

— Плантации хлопка простирались в основном на территории штатов...

Зоя укусила Анжелу за руку.

То, что последовало за этим, вошло в анналы школьной истории — впрочем, как и инцидент в старом спортзале.

Когда примчавшийся шофер могущественного папочки забирал всклокоченную и расцарапанную Зою, пытаясь запихать ее в нутро «Мерседеса», та вопила, грозя Анжеле:

— Я тебе это попомню, негритоска! Твое место на плантации, а не среди нормальных белых людей! Я превращу твою жизнь в ад! Если думаешь, что после каникул сможешь заявиться в школу, то глубоко ошибаешься. Я тебя закопаю, негритоска!

Анжела не стала информировать разбушевавшуюся и исходившую расистскими ругательствами дочку про-

курора, что после каникул в эту школу она, конечно, не вернется.

И что случившееся в старом спортзале заставило маму принять решение о том, что они в ближайшие недели уедут из этого городка, чтобы никогда в него не возвращаться.

Продолжат свое бегство.

— Спасибо, — сказала Анжела, когда Зою увезли прочь и буча улеглась. Она обращалась к своему рыжеволосому спасителю в очках.

— Да не за что! — Тот залился красной краской. — Меня зовут Валя, а тебя ведь Анжела?

И так как надо было с кем-то проводить дни, оставшиеся до их нового переезда (вернее, *продолжения их бегства*), то Анжела позволила Вальке пригласить себя в кафе на набережной.

Ну да, так и есть, этот рыжеволосый подросток вторгнулся в нее, что Анжеле было весьма неприятно. Нет, совсем не потому, что парень в нее влюбился, а потому, что он и не подозревал: очень скоро они расстанутся навсегда.

С Валькой было просто, спокойно и интересно. Он мог выгружать из недр своей памяти разнообразные факты и подавать их не сухо и утомляюще, а с огоньком.

— Знала ли ты, Анжела, что твое имя происходит от латинского, заимствованного через французский «ангела»?

— Ну да...

Мама всех уверяла, что Анжела, вернее, *Анхелес*, как гласит испанский вариант, это имя матери отца Анжелы, сына того самого ближайшего сподвижника Фиделя Кастро.

А сама Анжела в этом в последнее время очень даже сомневалась.

— А знаешь ли ты, Анжела, какие существуют виды ангелов?

— С крыльями и без?

Валька оживился.

— Ну, начнем с серафимов. Среди них водятся, если верить легендам, шестикрылые. А знаешь, почему крыльев именно шесть?

Этого Анжела, конечно же, *не* знала, как и того, какая самая глубокая точка Индийского океана, кто выдумал Ктулху, когда варвары разграбили Рим, когда был основан Мариуполь, в каком городе мира располагается самое большое по площади кладбище и чем ДНК отличается от РНК.

Прогуливаясь с презентовавшим ей все новые и новые удивительнейшие сведения об этом *лучшем из миров* (согласно, как теперь была в курсе Анжела, немецкому философу Лейбницу), Анжела вдруг поняла, что уезжать из этого провинциального городка, полного неги, бабочек, похотливых юных спортсменов и истеричных дочек прокурора городка ей не очень-то и хочется.

А может, даже и совсем *не* хочется!

За время их перемещения из одного города в другой (ну, то есть их *бегства*) она научилась многому, а в том числе не заводить друзей.

Конечно, всегда имелись люди, с которыми было приятно общаться. Или не очень. Или совсем даже неприятно.

Но если наклеивалась дружба, то Анжела по наущению мамы не давала ей развиваться и тем более укорениться.

Потому что будет сложнее уезжать, оставляя человека, к которому прикипел душой. Да и существовала опасность, что она проболтается об истинной причине их...

Их вечного бегства.

А причина была совсем даже не праздная. Ведь ее мама *убила человека*. И Анжела была сама тому свидетелем.

А вот Валька, этот рыжеволосый ходячий том энциклопедии в очках, стал вдруг именно тем, кому ей захотелось довериться.

Он умный и, что важнее, он обладает эмпатией (что это такое, Валька же ей и растолковал, и Анжела, давно искавшая объяснения этому понятию, поняла — да, *оно самое!*).

И девушка была уверена: он не только не проболтается, но и даст дельный совет.

И пусть ему, как и ей, пятнадцать — по своим суждениям он гораздо более зрелый, чем многие взрослые.

— Знаешь, мне надо тебе кое-что сказать...

Анжела прервала Вальку, как раз вздохнувшего о различных теориях о смерти Гитлера в бункере (а также о том, что никакой смерти не было и что фюрер удрал на подводной лодке в Южную Америку, на летающей тарелке на обратную сторону Луны или спустился через тайный ход в Антарктике в полую Землю), и тот быстро произнес:

— А я ведь ждал, что ты решишься!

Анжеле словно током ударили. *Он знал?* Ну уж нет, ничего Валька знать не мог, но, с учетом его проницательности, наверняка предполагал.

Что Анжела, ее мама и ее младший брат *совсем не те*, за кого себя выдают, и что в город их привела *отнюдь не* новая работа мамы, которая по полдня три раза в неделю трудилась в маникюрном салоне.

— *Знал?* — спросила перепуганно Анжела, и Валька расхохотался.

— Это как в хрестоматийной истории о том, что некто разослал десяти столпам общества в городишке наподобие нашего анонимные послания с фразой «Все вскрылось, ваше единственное спасение — немедленно бежать!». И восемь из десяти в самом деле драпанули. Девятый не смог, так как его по прочтении новости разбил паралич.

— *А десятый?* — спросила Анжела.

Валька пристально взглянул на нее.

— А десятой была женщина. И, в отличие от девяти мужчин, она не стала паниковать и, с усмешкой, зная, что никто не мог узнать ее тайн, разорвала послание, выбросила его в горящий камин и отправилась ужинать к своему богатому супругу, то ли пятому, то ли даже восьмому, который вскоре после этого скоропостижно скончался, оставив все свои миллионы ей, безутешной вдове...

Знал, отчего они находятся в вечных бегах?

— Так что ты хотела мне сказать?

Анжела все раздумывала. Открыться ему или нет?

И вот она приняла решение.

— Понимаешь, дело в том, что мы с мамой и братом не просто так приехали сюда. Мы... Мы часто переезжаем из города в город, потому что...

Она сделала паузу, собираясь с мыслями, а в этот момент вдруг что-то пребольно ударило ее под лопатку.

Обернувшись, Анжела заметила по другую сторону дороги группку великовозрастных типков, в которых сразу можно было распознать хулиганов, один из которых целился в нее из рогатки.

— Эй, рабыня с хлопковой плантации и ты, очкастый урод, стоять! Мы сейчас вас приголубим...

К счастью, автобус, который как раз катился по дороге, встал на светофоре, надежно отгораживая их от местного хулиганья.

Валька схватил девушку за руку.

— Бежим!

— С какой стати? — возмутилась Анжела. — Я милицию позову!

— И она их отпустит, поверь мне. Это ребята Длинного, местного мелкого уголовника, который явно норовит выйти в большие.

— Да хоть Короткого! Вон там милиционер прогуливается, я ему скажу...

Валька потащил ее вниз по лестнице, к реке.

— Ты помнишь, чем закончился твой поход в милицию? Папочка Зойки все замаял. Он тут всем городом заправляет, и этим милиционером, поверь, тоже.

Ну да, Зойка, которая грозилась сделать ее жизнь адом!

— Так это она их на нас натравила?

— Вернее, ее папочка, который поддался на капризы своей единственной дочурки. Она из него веревки вьет. Ну, идем. Иначе люди Длинного из нас тоже веревки совяют, потому что им явно дали поручение...

Ну да — поручение превратить их жизнь в ад.

До них донеслись вопли шпаны:

— Эй, рабыня с плантации и очкастый урод, вы где? Парни, ройте землю копытом, но найдите их! Иначе клиент будет недоволен.

Позволяя Вальке тащить ее дальше, Анжела заметила:

— Но если моя милиция меня не бережет, а прокуратура в кармане у папочки Зойки, то что делать?

И Валька сказал то же самое, что произнесла мама, когда Анжела тогда, после того самого происшествия, задала ей подобный вопрос.

— *Бежать!* Причем не останавливаясь и как можно быстрее.

В тот день они именно так и сделали — хорошо, что Валька не только местный уроженец, но и любитель изучать планы городских улиц, знал, как им лучше уйти от погони.

Уже стемнело, когда он проводил Анжелу домой, на съемную квартиру в одном из центральных районов города. Жилье там было недешевое, но ведь деньги у них имелись.

Причем всегда.

Валька все опасался, что около квартиры будет засада людей Длинного, но ничего подобного не оказалось и в помине.

Мама, заплаканная и одетая кое-как, распахнула дверь и, окинув дочь долгим взглядом, перевела взор на Вальку.

— Ага, вот и ты со своим ухажером! А ты знаешь, что мне звонили и сообщили, что ты... Что ты *в морге!* Валька уверенно заявил:

— Точно проделки людей Длинного, ну или кого-нибудь по поручению отца Зойки. Если им известен ваш номер телефона, то они в курсе, где вы живете. Что и логично, ведь эту информацию они могли получить от милиции, куда Анжела подала заявление, и даже из школы, директриса которой не будет перечить прокурору города!

Уставившись на Вальку, мама спросила:

— Это что за Шерлок Холмс?

Валька важно ответил:

— Предпочитаю Эркюля Пуаро, но не могу похвастаться его шикарными усами.

— Мамочка, а кто такой *ухажер*? — влез в разговор подоспевший Никитка, всегда тут как тут. — Он исполнит для нас *стриптиз*?

После долгого приступа всеобщего веселья они пили чай, а прощаясь, Валька в прихожей заметил:

— Ты ведь, кажется, хотела что-то мне сказать? Ну, перед тем как мы бросились в бега...

Ну да, хотела: что в бегах они уже давно — мама, братец и она сама.

— Давай в другой раз, — сказала Анжела тихо, уверенная, что мама, оставшаяся в гостиной, вслушивается в каждое их слово.

— Конечно. Я завтра с утра зайду за тобой? Вам бы без надобности из квартиры не выходить, а лучше всего переехать, да побыстрее...

Когда он ушел, мама заявила:

— Втравила ты нас в историю, дочка!

Анжела не стала ей напоминать, что *если* кто и втравил, так это сама мама.

— Надеюсь, ты ничего своему хахалю не сказала?

— Мамочка, а кто такой *хяхаль*?

Никитка, как водится, влез в разговор взрослых.

— Ничего! Но он может нам помочь.

Мама отрывисто рассмеялась.

— Кто? Этот сопляк? Каким, интересно, образом? Он что в жизни понимает?

— Ну ты, например, понимаешь, но ведь от этого не легче. А Вале можно доверять.

— Доверять нельзя никому!

— Ему можно!

Удаляясь в ванную, мама заявила:

— Никому! И уж точно не твоему хахалю!

А любопытный Никитка не унимался:

— Так кто же такой *хяхаль*?

Когда Валька забрал Анжелу, как и обещал, на следующее утро, то первым делом сообщил:

— Люди Длинного ошиваются неподалеку от вашего дома.

И показал ей на нескольких гопников, которые, сидя на корточках, курили у соседнего подъезда.

— А теперь побежали!

Впрочем, гопники за ними не бросились, и Анжела с Валькой (благо школа закончилась) провели весь день в парке развлечений.

А когда подошли к дому Анжелы, то заметили знакомый темный «Мерседес». Валька хотел снова скрыться, но Анжела сжала его руку.

— Это мой дом, мне не от кого прятаться.

Хотя прекрасно знала, от кого они вот уже полтора года прячутся: мама, братец и она сама.

Она сама подошла к «Мерседесу» и постучала по тонированному окошку. Когда стекло уехало вниз и показалась лощеная физиономия шофера, того самого, который запихивал в недра этого же «Мерседеса» Зойку, Анжела сказала:

— Добрый вечер, рада снова вас увидеть. Вас прислала Зоя?

Шофер, явно не ожидая такого поворота, сунул ей в руки коробку.

— Вот, вам велено передать! С наилучшими пожеланиями.

И с визгом шин дал по газам.

Анжелу подмывало узнать, что же находится в коробке, хотя она понимала, что *ничего хорошего* и приятного там быть изначально не может.

— Не открывай! — заявил Валька. — А то там не только дохлая крыса может лежать, но и бомба!

— Думаешь, они на такое пойдут?

Коробку они сунули в урну.

А когда под утро на улице полыхнуло и, как выяснилось, именно эту самую урну разворотило полностью, то Анжела убедилась: да, *вполне* смогли.

— Но это же попытка убийства!

— Скорее всего, не убить хотела, а покалечить.

— И ее папаша-прокурор все знает и покрывает?

— Думаю, даже и направляет. Потому что люди Длинного его сумасбродную дочурку слушать, конечно же, не стали бы, а вот самого папашу...

— Но что же тогда делать?

Валька усмехнулся:

— *Бежать!*

Ну да, он был прав. И мама заявила, что они в ближайшие дни покинут город.

— И куда на этот раз? — спросила ее Анжела.

— Не беспокойся, страна даже после распада Союза все еще большая, всегда найдется куда переехать.

— Мамочка, а мне здесь нравится! — встрял в разговор Никитка. — Тут салют по ночам, а не только по праздникам.

Прижав к себе братца, Анжела поцеловала его в темные кудряшки.

— И мне тоже, мама.

— Тебя тут убить хотели, а тебе тут нравится?

— По крайней мере, у меня тут есть не только враги, но и друг...

Валька.

Мама вздохнула:

— Понятно, твой хахаль. Он, может, и неплохой или даже очень хороший, но с ним придется расстаться.

— А если я скажу нет?

— Что значит — скажешь нет? Я уж заплатила хозяйке за два месяца вперед, чтобы не бурчала, мы на следующей неделе съезжаем.

— Сестренка, не плачь! — заявил Никитка, заметив слезы в глазах Анжелы. — А может, твой хахаль поедет с нами? Мамочка, ты ведь не против?

— Так ведь ты мне хотела что-то сказать. Кажется, что-то важное. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление.

Они снова были в кафе на набережной — царил жаркий солнечный день.

— Мы уезжаем.

— Когда?

Голос у Вальки предательски задрожал.

— Скоро.

Она не стала говорить ему, что не позднее следующей пятницы.

— И вы не вернетесь?

Анжела отрицательно качнула головой. Они никогда не возвращались туда, где уже были.

— Это из-за... Зойки и бомбы?

Ну да, отчасти из-за этого, сей инцидент намного ускорил их отъезд, но они бы покинули городок и без него.

Девушка вздохнула. Ни да, ни нет. Врать Вальке не хотелось.

— Ну хорошо, но ведь есть что-то еще, ведь так? Анжела снова вздохнула и наконец произнесла:

— Есть. Но я не могу сказать, что именно. Хотя очень хотела бы. Потому что это не моя... не моя тайна...

— Понимаю. Не твоя, а твоей мамы?

Анжела кивнула. Она отодвинула пустую вазочку из-под мороженого.

— Это серьезно?

Анжела вновь кивнула.

— А милиция, правоохранительные органы...

— Такие, как отец Зойки?

Валька помолчал.

— Вы ведь от чего-то бежите? Точнее, от *кого-то*?

Ну да, большой поклонник Эркюля Пуаро допер до этого самостоятельно.

Анжела ничего не ответила.

— Но вы же не можете быть в бегах вечно, не так ли?

Это она маме уже говорила, но та и слушать ничего не хотела.

— Значит, мы больше никогда не увидимся? — произнес странным голосом Валька.

Анжела решила:

— Знаешь, мой братец спросил, не можешь ли ты... Не можешь ли ты бежать с нами?

Валька задумался:

— Не думаю, что это так уж понравится моим родителям. Но в целом и общем идею стоит обмозговать. А вы куда собираетесь?

Мама говорила что-то о Дальнем Востоке — может, сразу в Северную Корею? Там уж *точно* никто не найдет!

— А мы можем... Можем остаться друзьями по переписке?

Анжела почувствовала, что слезы душат ее. Она выбежала в туалет, где глухо рыдала, обхватив рукой умывальник.

Ну да, друзьями по переписке — чтобы слать друг другу письма, которые никогда не достигнут адресата?

Приведя себя в порядок, она вернулась обратно — и обомлела. Все остальные посетители исчезли, и не без причины. Валька был не один, а в компании гогочущих гопников, людей Длинного, которые, забросив ноги на стол и раскачиваясь на стульях, с хлюпаньем пожирали из стеклянных вазочек мороженое. На лице продавщицы за буфетной стойкой был запечатлен панический ужас.

Один из гопников, в белой кепочке, вероятно, главный, прогнусавил:

— О, вот и наша рабыня с плантации! Ну, отлично, можем прогуляться, побалакать...

Поправив очки, Валька сказал:

— А платить?

— Чё, очкастый?

— Думаю, что все же стоит заплатить, иначе это может привести к неприятностям...

Главный гопник, намеренно швырнув на пол вазочку из-под мороженого, сказал:

— Ой, какой я неловкий! И за это тоже заплати. И за это, и за это...

Он и его подельники планомерно расколотили все пустые вазочки, а главный заявил, обращаясь к перепуганной продавщице:

— Очкастый за все заплатит! И еще, тетя, на чаевые даст!

— Анжела, не могла бы ты мне занять своей наличности... — произнес громко Валька.

Гопники заготовали.

— Очкастый, ты что, бабу заставляешь платить? Ну, не мужик ты, а так, огородное пугало на швабре!

— Анжела, подойди, *пожалуйста*, — произнес ровным тоном Валька, и девушка, у которой не было наличности (о чем Валька, конечно же, знал), понимая, что так надо, медленно приблизилась к стойке.

Пока гопники шумели, поливая Вальку грязью и отпускали малопрстойные замечания в адрес Анжелы, Валька, делавший вид, что копошится в своем кошельке, тихо спросил у перепуганной продавщицы:

— У вас черный ход есть?

Та, явно не понимая, вытаращилась на Вальку.

— *Черный ход*, — произнес он мягко, но настойчиво. — Он у вас есть?

Та кивнула и тыкнула пальцем в сторону подсобных помещений.

— Да, там, но он закрыт.

— Отлично. Но не так громко. Ключ у вас есть? Тогда дайте его мне, *пожалуйста*.

Продавщица, наконец начав соображать, вынула из кассы ключ и положила на прилавок. Валька накрыл его своим кошельком.

— Эй, очкастый, еще долго? Вы что там, в цене разобраться не можете? Так ты еще и жадный! Ну, плохо тебе придется. А вот тебе, рабыня с плантации, будет очень хорошо, *очень-очень...*

— Спасибо, — сказал Валька и, не глядя на Анжелу, произнес:

— А теперь упади в обморок.

— Что?

— Упади в обморок, *пожалуйста!*

Еще раз повторять не пришлось — Анжела, приложив запястье к голове, громко произнесла:

— Ой, что-то все перед глазами у меня плывет...

И, смежив веки, начала валиться.

Валька подхватил ее и очень тихо шепнул:

— Какой актерский талант в тебе погибает! Почти как в императоре Нероне!

При чем тут император, к тому же Нерон, Анжела понятия не имела, но не сомневалась, что Валька, если спросить, обязательно расскажет.

Она и спросит.

— Продолжай и дальше так.

И громко заявил:

— Ну что, добились того, что девушка от духоты и испуга сознание потеряла? Вызывайте «Скорую»!

Возникла легкая паника, видимо, подобного развития событий в сценарии гопников предусмотрено не было.

— Эй, никакой такой «Скорой»! Она не прикидывается? Дай проверю!

Ангела почувствовала, как Валька несет ее куда-то.

— Ты кто, врач или хотя бы фельдшер? Тогда не лезь!

— Эй, очкастый, ты что вякнул, блин...

— Ей нужна квалифицированная медицинская помощь. Или хотя бы дайте ее в подсобку занести и там в чувство привести.

Кто-то дурашливым голосом предложил:

— Так мы и сами можем в чувство привести, так ведь, парни?

Ангела ощутила, как Валька, отдуваясь, несет ее куда-то.

— Не тяжело? — спросила она участливо, и тот ответил:

— Да ничего, пойдет.

А через несколько мгновений произнес:

— Ладно, «приходи в себя».

И осторожно поставил ее на ноги.

Девушка, осмотревшись и поняв, что они находятся в полутемном подсобном помещении, чмокнула Вальку в щеку.

— Спасибо.

Зардевшись, тот ответил:

— Еще не за что. Но нам нечего время терять. Они ведь скоро и сюда заявятся. Правда, нас тут уже не будет.

И потянул Анжелу вслед за собой к массивной металлической двери.

— Черт! Ключ не подходит! Похоже, она мне не тот дала!

В голосе Вальки, который возился с ключом, сквозило полное отчаяние.

Ангела, которая в стрессовых ситуациях головы не теряла, взяла у него ключ, повертела и с легкостью вставила его в замочную скважину.

— Как у тебя получилось? — ахнул Валька, а Ангела ответила:

— Да так.

Дверь распахнулась, выпуская их на волю.
Ангела протянула Вальке руку и сказала:
— Ну что, побежали?

Так в тот день они оказались у поросшего лесом берега реки, хотя до этого бежали по набережной, а вслед за ними — гопники, которые, сообразив, что их одурачили, пустились за ними вслед.

Набережная быстро закончилась, пошли заросли, среди которых вилась тонкая тропинка, над ней вились бабочки.

— Сюда, сюда! — сказал уверенным тоном Валька. — Так мы к старому консервному заводу выйдем. Ну, я так думаю...

Они в самом деле какое-то время бежали вдоль покосившегося забора, за которым возвышались заброшенные цеха, а потом снова вышли к реке.

Гопники, хоть и поотстав, все равно не прекращали преследования.

А бабочки вились в воздухе, подобно конфетти на новогоднем празднике.

...Вынырнув, Ангела повернула голову, пытаясь отыскать Вальку. Он, кажется, тоже нырнул, но вот почему-то еще не вынырнул.

Внезапно ей сделалось страшно.

— А вот и я! — раздался позади нее веселый голос, и в лицо Ангеле, повернувшейся на него, полетели мириады брызг.

— Вот как! Ну, держись!

Ангела тоже заколотила руками по зеркальной поверхности воды. И, хохоча, они продолжали дурачиться.

Внезапно веселье прекратилось, потому что Валька вдруг озабоченно произнес:

— Они нас все-таки нашли!

Взглянув по направлению к берегу, Ангела увидела нескольких гопников, которые с ухмылкой махали им, держа в руках их одежду.

— Плыдем на другой берег! — заявил Валька, и Ангела, понимая, что это блестящая идея, стала рассекать водную гладь руками.

А с берега с гопниками доносилось:

— Да не полезу я за ними в воду! Я вообще плавать не умею!

Река была неширокая и на первый взгляд тихая, однако в действительности течение оказалось будь здоров. Валька уверенно плыл к берегу, чего нельзя было сказать об Анжеле: не так-то она часто и плавала, в отличие от своего...

Хахаля!

Ну да, разве что тогда, в особняке, где имелся собственный крытый бассейн. Тот самый, в котором плавал труп.

Ноги Анжелы что-то коснулось, она, завизжав, попыталась увернуться, вообразив себе, что это огромный сом, желающий утащить ее на самое дно, в свою илистую нору.

Ну, или в чем сомы там живут.

От крика сама наглоталась воды, в носу запершило, на мгновение голова даже ушла под воду.

Ну да, одно дело: сохранять холодную голову на суше, а другое — в воде. В реке это как-то не работало.

Оказавшись под водой, в искаженном изумрудном царстве, Анжела вдруг подумала: а что, если она уже никогда больше не выплывет обратно?

Как когда-то тот, кто мучил ее — ее саму и маму.

Главное — не паниковать!

И запаниковала от этого еще больше.

Внезапно кто-то вытащил ее из изумрудного царства обратно, в реальный мир. Не кто-то, а Валька. Он, услышав ее крики, подплыл к девушке, уже ушедшей под воду, и нырнул вслед за ней.

— Ну, все в порядке, не волнуйся. Это всего лишь небольшое бревно. Ты не ударилась? Ты только воду не глотай...

Судорожно дыша, Анжела постепенно приходила в себя. А на берегу гопники тем временем, разоблачившись, гуськом заходили в воду.

— Сможешь поплыть дальше? Если нет, то я тебя на себе потащу.

Только этого не хватало!

— Смогу! — уверенно ответила Анжела, но Валька ее не бросил, а, придерживая ее одной рукой, погреб другой к противоположному берегу.

Один из гопников, вообразив себя олимпийским чемпионом по плаванию, уже нырял и выныривал, пытаясь пересечь реку и нагнать беглецов.

Но, нырнув в очередной раз, он затем толком и не вынырнул, только замахал обеими руками. А затем скрылся под водой.

— Наверное, налетел головой на то бревно, которого ты испугалась. Ну, *бывает*, — заметил Валька.

Гопники бросились спасать своего незадачливого товарища, и когда они его вытащили на берег, то Анжела и Валька также расположились на берегу, только противоположном.

Наблюдая за суетой гопников, Анжела сказала:

— А если его не откачают?

Валька, пошарив рукой вокруг себя, произнес:

— Очков, конечно же, нет, так что ты будешь нашим поводырем. Нет, к ним я не поплыву, пусть сами разбираются. Думаю, им сегодня все же придется вызвать «Скорую».

Посидев на берегу и понаблюдав за происходящим (хотя наблюдала только одна девушка — Валька по причине отсутствия очков физически не мог) и удостоверившись, что нахлебавшийся, как и Анжела, воды гопник наконец-то оклемался, ребята решили двинуться в путь.

— А куда нам, собственно, идти?

Валька, осмотревшись, честно признался:

— Это мы где-то в районе Бабочек. Тут такое село имеется неподалеку, а когда детский лагерь основали, то ему такое же название и дали. Я тут ни разу не бывал. Я в классе четвертом или пятом должен был вообще-то туда за хорошую учебу поехать, но пионерский лагерь закрыли, потому что пионеры закончились. Ладно, давай прогуляемся! Только за маршрут придется отвечать тебе!

Оставив гопников скакать на другом берегу, Анжела и Валька двинулись по дорожке в глубь леса. Вскоре им попала упавшая на бок полукруглая вывеска: «Бабочки».

Так и есть, бабочек было и тут предостаточно, но помимо этого еще мошкары и комаров. Отбиваясь от назойливых насекомых, они вышли к каким-то разноцветным развалинам.

— Так и есть, детский лагерь, который раньше назывался пионерским, — заявил Валька, толкая полуоткрытую ржавую калитку. — Что, проведем свой индивидуальный тур?

Лагерь стоял заброшенным всего несколько лет, однако, лишившись юных постояльцев, словно потерял источник энергии и стал разрушаться с огромной скоростью. Корпуса зданий смотрели черными оконными проемами, выбитыми дверьми, покосившимися, смешными советскими лозунгами.

Бабочки были не только в воздухе, но и на стенах зданий, выложенные мозаикой, на плацу, нарисованные уже отколупавшейся краской на растрескавшемся асфальте, во всю стену столовой, ну и, конечно, в различных вариациях то тут, то там на спортивных снарядах, скамейках и даже на фонарных столбах.

В заброшенном пионерском лагере было одновременно волнительно и страшно. Анжела не удивилась бы, если бы на построение на плацу, для поднятия флага, вдруг из заброшенных корпусов потянулись бы одетые в отутюженную школьную форму подростки.

С пустыми черными глазницами.

— Брр, прямо логово для вампиров! — произнес Валька, поддевая ногой ржавую консервную банку.

— Может, дальше пойдём? — произнесла Анжела, которой было не по себе. Словно они вторглись в чужой мир — чужой и чуждый.

Миновав посеревшую «ракушку» музыкальной эстрады (с обязательной гигантской бабочкой), они прошли мимо небольшого изрытого участка, утыканного некогда, быть может, и красивыми, а теперь страшноватыми разноцветными бабочками из стекла, нанизанными на металлические стержни.

— Сад мертвых бабочек? — спросила словно замороженная Анжела, но все объяснялось проще: некогда это был огород, на котором школьники выращивали

полезные и полные витаминов овощи, а бабочки украшали металлические стержни с небольшими щитками, буквы на которых стали едва различимыми. Судя по этим указателям, когда-то тут росли «Кабачки», тут «Петрушка», а здесь «Морковь поздняя», тут «Морковь ранняя» и даже «Эстрагон».

— Ну да, был огород, а стал сад бабочек. Только почему мертвых? Их ведь здесь полно — живых!

И в самом деле, огород, заросший теперь сорняками и разнообразными дикорастущими травами и цветами, стал раем для бабочек, которые порхали во всех направлениях, садясь в том числе и на своих ржаво-стеклянных товарок.

— А где тут выход? — спросила Анжела, и в этот момент раздался громкий голос:

— Вот я вас и поймал!

К своему ужасу, Анжела заметила массивного мужчину, вернее, уже старика, с длинной белой бородой, в очках и в теплой тужурке, держащего в руках ружье.

Он грозно надвигался на них.

Присмотревшись, Валька побледнел.

— Это он.

— Кто он? — спросила упавшим голосом Анжела, а Валька пояснил:

— Ну, тот сумасшедший дед, о котором я тебе рассказывал. Который вроде всю свою семью перестрелял, за это срок огромный отмотал и живет бобылем в своей избе. Практически на курьих ножках!

Анжела припомнила что-то из местного фольклора, который поведал ей во время их прогулок Валька, но она думала, что все это выдумки.

Оказалось, что нет.

— Стоять! — заявил старик. — Ружье заряжено. Пусть и солью, но мало не покажется.

Приблизившись к ним, он с сомнением произнес:

— На бритоголовых вы не похожи!

— Непохожи, — согласился Валька. — А вы сторож?

Старик, повесив ружье на плечо, ответил:

— Можно и так сказать. А то повадились сюда всякое дурачье шастать, облюбовали подвалы, символы нацистские там малюют. Тьфу!

— Это не мы! — заявила честно Анжела, и старик, внимательно глядя на нее, ответил:

— Верю. Думаю, эти молодые идиоты, которые тут черт знает чем занимаются, тебя в свои ряды не приняли бы.

— Потому что кожа у меня *не* белая? — спросила с вызовом Анжела, а Валька миролюбиво заметил, косясь на ружье старика.

— А оно у вас точно солью заряжено? И вы тут сторожем работаете?

Старик усмехнулся в седую бороду.

— Какой ты любопытный. Нет тут сторожа — как Союз рухнул, все в одночасье и забросили. Я сам тут сторож и немного за порядком слежу, когда могу и если здоровье позволяет. А вы что без одежды шастаете?

— Убегали, — ответила Анжела, не понимая, чего это Валька так испугался старика, который вовсе и не сумасшедший.

— Да так быстро, что одежду растеряли? Бывает. Ладно, если погреться хотите, то идите за мной.

Впрочем, это было даже не предложение, а приказ.

Шествуя за стариком, Валька боязливо шепнул Анжеле.

— А вдруг он нас, как свою семью, перестреляет? Говорят, что с них кожу содрал!

До них донеслось:

— А слух у меня, несмотря на мои годки, хороший. Вот и пришли!

Вывернув из-за высоченных берез, они оказались перед двухэтажным деревенским домом своеобразной архитектуры.

— Он такой... *необычный*, — вырвалось у Анжелы, и старик довольно погладил бороду.

— Сам строил. Я ведь архитектор по профессии.

Около дома был небольшой огород (к счастью, без аляповатых указателей в виде стеклянных бабочек на железных прутах), там же стоял мотоцикл с коляской.

Встретил их безухий пес, впрочем, весьма дружелюбный — он сразу принялся лизать Анжеле руку.

— Должен посторонних отпугивать, а он к ним ластится. Но куда ж я его дену, такого непутевого...

А на крыльце примостились две кошки, рыжая и черно-белая. Из курятника доносилось кудахтанье.

Толкнув дверь, старик провел их в комнату, которая совсем не выглядела как обиталище отшельника, к тому же сумасшедшего, а больше походила на кабинет ученого: книги, несколько картин и даже большой старинный глобус.

Ставя ружье в угол, хозяин сказал:

— Сейчас на курей гляну, а потом к вам вернусь. И одежду вам принесу, у меня имеется!

И, взглянув на них, добавил:

— Кличут меня Демидычем. А как вас зовут, расскажете, когда вернусь. И кто за вами гнался, тоже.

Когда старик скрылся, Валька зашептал:

— Он свою семью убил и нас тоже убьет. Откуда у него может быть одежда для подростков, сама подумай? Только если он таких, как мы, к себе в дом заманивал и...

Ангела, подойдя к книжным полкам, ответила:

— Ерунда. Не верю я в это.

Но все равно осадок остался.

— Давай ноги отсюда унесем, пока не поздно. Уж лучше с гопниками встретиться, чем с этим стариком-убийцей!

Вспомнив гопников, Ангела ответила:

— Ну уж нет! Если что, то с одним стариком мы справимся. А вот с шестью гопниками — точно нет.

Присоединившись к ней, Валька стал рассматривать книги.

— Жюль Верн, Марк Твен, Вальтер Скотт! Вот это да! Да у него подборка лучше, чем в городской библиотеке. Ого, я этот роман Жюль Верна давно хотел прочитать и охочусь за ним, но у нас в городе его ни у кого нет.

— Как видишь, есть, — возразила Ангела, заинтересовавшись обложкой иностранного журнала, на котором была изображена антилопа, которую крокодил

пытался уволочь в реку. Она взяла его и принялась листать.

Английский у нее в школе был, но она никогда не уделяла ему должного внимания. Но ее интересовали даже не текст, а фотографии: завораживающие, открывавшие новый ракурс на происходящее, позволявшие взглянуть на обыденное событие по-иному.

Анжела прочла название журнала: «Discovery».

Ни разу о таком не слышала, но оно и немудрено: издавался он в Лос-Анджелесе. Но перевести название, несмотря на свои скудные познания в английском, смогла: «Открытие».

— Ого, да тут Агата Кристи, да еще на английском, а не в переводах. *Вот это да!*

Расположившись на полу, Валька стал лихорадочно вытаскивать один том за другим.

— Вижу, моя небольшая книжная коллекция пришла к вам по вкусу, — раздался голос хозяина, и Анжела увидела его входящим в комнату.

В руках у него были джинсы и куртки — разных цветов и размеров.

Она осторожно положила журнал обратно на стопку.

Откуда у этого Демидыча подростковая одежда, к тому же в таком количестве?

Сердце учащенно забилося.

— Возьмите, вы же свою потеряли.

Захлопнув книгу, Валька произнес:

— А мы об этом вам не говорили.

Старик усмехнулся:

— Так я сам догадался! Поди на речке купались, на вас хулиганы напали, пришлось на другой берег переплыть, а одежда на том осталась.

— Вы за нами... наблюдали? — спросил осторожно Валька, и от Анжелы не ускользнуло, как он покосился в угол, где старик оставил ружье, заряженное якобы солью.

Хотя, может быть, совсем даже и не солью.

Ружья в углу не было.

Демидыч проследил его взгляд, и улыбка с его лица вдруг исчезла.

— А где... *ружье?* — спросил сиплым голосом Валька, и старик буркнул:

— От греха подальше в подвал унес! Ну, примерьте-то одежду! Она от моих внуков осталась, они вот через неделю на каникулы к деду приедут!

У Анжелы отлегло от сердца — ну да, у Демидыча были внуки, и это объясняло наличие подростковой одежды в его доме.

Раздался протяжный свист, и Валька вздрогнул.

— Чайник вскипел! Прошу к столу!

Попивая душистый чай с сушками, ребята отмалчивались, да и Демидыч был не большим говоруном. Наконец, поставив чашку на блюдце, он грозно произнес:

— Значит, в городе меня убийцей считают?

Валька, заикаясь, стал неумело врать:

— Да что вы, *никто* вас убийцей *не* считает...

Демидыч, взяв сушку и раскусив ее своими крепкими желтыми зубами, пожевал и подытожил:

— Точно считают. Думаю, этот слух те идиотики распустили, которых я из бывшего пионерлагеря шугаю. Ну, тех, которые повадились там в заброшенных зданиях то сатанистские, то фашистские знаки рисовать и сборища свои по ночам устраивать.

— У нас в городе есть сатанисты? — оживился Валька.

— Если бы только они, — вздохнул старик. — То, что теперь все повально эзотерикой увлечены, даже можно понять: столько лет запрещали. Хотя зачем ради этого кошек убивать и голубям головы отрубать для своих мерзких обрядов? Так нет, еще и бритоголовые тоже вдруг откуда-то взялись! Ваши ровесники или, может, чуть постарше. Свастики рисуют, портреты главных нацистов на стенах вешают. Одно слово, дурачье! И ради таких я на войне был?

Анжела посчитала — ну да, вполне могло стать, что Демидыч был на войне.

— Значит, и неонацисты тоже имеются? — оживился Валька еще больше. — Но в газетах ничего не пишут!

Старик прищурился.

— Ну да, а ты ждешь, что там с ними интервью появится? Ну, если дальше так и пойдет, то и появится, кто его знает. Кстати, это не они к вам приставали?

И он взглянул на Анжелу.

Ну да, конечно, если отец у нее африканец, то все городские хулиганы, в особенности придерживавшиеся расистских взглядов, должны были охотиться за ней.

Но примерно так ведь оно, в сущности, и было.

— Ну, что-то в этом роде, — ответила девушка.

— Ну так считают меня убийцей или нет? — прогромыхал старик. И так как Валька ответа дать не решился, старик принес фотоальбом и положил его перед ребятами.

— Вот моя любимая женушка, которая теперь в сырой земле лежит — от рака в одночасье сгорела. Вот моя дочка, которая под Москвой живет. Вот это мои внучата, которые сюда каждое лето приезжают...

Все это были фотографии счастливых и довольных людей, никаких не похожих на жертв местного угрюмого старика-убийцы.

Анжела закусила губу. Ну да, она сделала такой глупый вывод на основании злонамеренных слухов и несколько устрашающей внешности Демидыча.

Но ей ли делать выводы на основании чьей-то *внешности*?

— А это кто? — спросил Валька, перелистнувший альбом на несколько страниц назад.

Это было черно-белое изображение женщины с давно вышедшей из моды прической и маленького мальчика в бескозырке.

Демидыч, буквально вырвав у Вальки фотоальбом, захлопнул его.

— Жена моя, первая. Еще довоенная. Ну и сынок мой...

— Они во время войны погибли? — произнесла сочувственно Анжела, и Демидыч глухо ответил:

— Погибли-погибли... Ладно, поставлю еще чайник...

Выждав, пока старик не удалился, Валька зашептал:

— Вот их он и убил! Причем еще давно, до войны или во время или сразу после! А потом новую семью себе завел...

Анжела возразила:

— Что за чушь! Наслушался этих бредней и веришь им. Вроде бы такой умный, энциклопедию наизусть почти всю знаешь, а веришь таким страшилкам, которые кто-то с дурной целью запустил.

После чая Валька все же решился и попросил взять почитать роман Жюль Верна, за которым он давно охотился, и несколько книжек Агаты Кристи на английском.

— А тебя что занимает? Тоже романы? Библиотека в самом деле плохая, жена-покойница у меня подбирала, да и дочка, когда жила тут, читать обожала...

Анжела взяла в руки журнал «Дискавери».

— Ага, вот оно что! Неплохой выбор. Когда за границу ездил, покупал себе, потому что уж снимки невероятные. Мне такие точно никогда не сделать...

— За границу ездили? — оживился Валька. — А куда?

Дом Демидыча они покинули уже под вечер, нагруженные разнообразными дарами, в первую очередь книжно-журнальными.

— Тут автобус до города ходит, но вас на мотоцикле отвезу!

Водил Демидыч мотоцикл с люлькой, в которой устроилась Анжела, весьма лихо. Доставив их к дому Вальки, старик сказал:

— Сказал же, что на следующей неделе внуки мои приезжают, так что заходите, а то им компания нужна, с дедом им скучно...

Валька радостно закивал, явно желая перечитать со временем всю библиотеку Демидыча, а Анжела, прижимая к груди пачку журналов «Дискавери», отмолчалась.

Ну да, ведь на следующей неделе их здесь уже и не будет.

Потому что им снова придется бежать куда глаза глядят.

Ну, или куда доставит их очередной поезд дальнего следования.

Только вот почему они все время в бегах?

Все очень просто — потому что мама убила человека.

40 И, надо отметить, очень хорошо сделала, что убила.

...А ведь начиналось все так многообещающе! Мама, окончив институт с дипломом библиотекаря, ни дня по специальности не работала. Ну, не вышло: сначала (от сына ближайшего соратника Фиделя Кастро — ну, *или* от кого-то иного) на свет появилась Анжела, а спустя восемь лет, от студента аспирантуры из Камеруна, который жениться на русской подруге явно не намеревался и быстро отбыл на родину (это, кажется, соответствовало действительности) — Никитка.

Жили они к тому времени в общежитии железнодорожников, к которым мама ни малейшего отношения не имела, но, будучи весьма общительной особой, сумела заполучить пусть и одну, но зато двадцатипятиметровую комнату!

Обитали они в одном крупном городе на Волге — мама, учившаяся в Москве, с большим удовольствием там и осталась бы. Анжела до трех лет жила с ней, но потом им в одночасье пришлось покинуть столицу.

По официальной версии, потому что мама нашла очень хорошую работу в регионе. А по правде — потому что она, работая барменшей в каком-то златном заведении на Садовом кольце, то ли ввязалась в некую криминальную историю, то ли стала свидетельницей того, чего ей лучше было бы не видеть.

В общем, вернувшись ночью в общежитие (и в Москве это тоже было от железнодорожников — словно перст судьбы указывал им в сторону железнодорожных касс, посещать которые им предстояло в грядущие годы регулярно), мама заявила, что они переезжают.

Переехали они сначала в один город, потом во второй, оказались затем в том самом, крупном, на Волге. Обосновались, пустили корни, мама даже в самом деле работала в библиотеке — только не по своей специальности, а в ночном клубе, который расположился на одном из сдаваемых библиотекой под прочие нужды этажей.

Там она и познакомилась с отцом Никитки, который, учась в Москве, приехал в провинцию собирать материал для своей диссертации, так и не написанной.

Мама вскоре заявила подрастающей Анжеле, что у нее появится братик (даже до УЗИ она не сомнева-

лась, что будет мальчик, и оказалась права). А, помимо этого, отчим, вернее, добрый хороший отец.

Патрик, с широкой белозубой улыбкой, почти без акцента говоривший по-русски, в самом деле был добрым и хорошим — и, кажется, отцом не только Никитки, а не самого маленького количества детей, как Анжела узнала из разговора на крайне повышенных тонах, которые вели мама и Патрик.

После этого Патрик исчез: как из города, так и из их жизни, мама долго горевала, все надеясь, что он вернется, потому что его она, кажется, искренне любила.

Но Патрик так и не вернулся, а мама ушла из ночного клуба и устроилась в самую лучшую гостиницу города администратором.

Впрочем, и там она продержалась только до декретного отпуска, а когда вернулась вместе с Никиткой из роддома, то заявила, что будет заниматься бизнесом.

Слово она свое сдержала, сетевой маркетинг на первых и даже вторых порах шел отлично, вероятно, даже слишком, потому что неплохие дивиденды мама вложила в выглядевшую крайне респектабельно компанию, обещавшую сумасшедшие годовые.

Кто-то их и получил, в первую очередь руководители сей незатейливой, но великолепно раскрученной (известными актерами по ТВ и говорливыми дикторами по радио) финансовой пирамиды, сбежавшие с миллиардами обманутых вкладчиков куда-то в теплые края.

И хотя из этих теплых мест им в итоге пришлось переместиться в места не столь отдаленные, миллиардов таки и не нашли, но неунывающая и фонтанирующая идеями мама завела к тому времени свое личное бюро знакомств для дам, желающих выйти замуж за иностранца.

В действительности (и подраставшая Анжела знала это точно) мама сама желала отыскать для себя богача, красавца и просто душку, желательно с замком и титулом, откуда-нибудь из Италии, Франции, быть может, Германии или Австрии или на худой конец Испании.

Даже на Грецию или Португалию согласилась бы.

К тому времени они из общежития переехали на съемную квартиру, пусть и не самую шикарную, зато

в центре города. Мама всегда говорила, что пусть будет небольшая, но в центре: это производит впечатление.

На кого? На ее многочисленных поклонников или желавшими стать таковыми, которые время от времени наведывались к ним домой. В зависимости от поклонника, его статуса и намерений в отношении одного со стороны мамы требовалось исполнять роль то отличницы, то тихой девочки, то шепутной, то вообще *пойти часика на два с братиком погулять*.

Маме делали предложения руки и сердца, причем не раз, в том числе и иностранцы. Но все было что-то не то: то молодой и без денег, то старый — и тоже без денег. То вроде и нестарый, и с деньгами, но зато с пятью детьми от трех бывших, которым он платил алименты.

То есть в итоге, как ни крути, все же опять без денег.

Прижимая к себе дочку и сына, мама не скрывала от них своих меркантильных планов.

— По любви у меня появилась ты, а потом Никитка. Я совсем не против еще одной любви, большой и чистой, но предпочитаю солидный счет в иностранном банке. А лучше в двух или трех. Ну и недвижимостью, само собой. И автомобиль, причем у меня будет свой.

И это при том, что водительских прав у мамы не было, однако водить она кое-как все же умела: научил один из поклонников, майор ГАИ.

Никитка-то был слишком юн, чтобы понимать разглагольствования мамы, а вот Анжела уже смирилась с тем, что рано или поздно они обзаведутся отчимом, возможно, даже иностранным.

И что мама родит еще малыша, не исключено, не одного — значит ли это, что она их с Никиткой будет любить меньше?

Мама заявляла, что что бы ни произошло, они будут у нее единственными на свете, но Анжела прекрасно знала, что у мамы *все* было единственным — и новая работа, и новая квартира, и новый город.

Ну и новый ухажер из тех, которых мама предпочитала звать хахалями.

Впрочем, в *тот* раз все было иначе. Заглянув с утра на кухню (мама вновь работала в гостинице, только уже *не* в лучшей в городе и не администратором, а всего лишь горничной), где Анжела сама жарила себе яичницу, собираясь в школу, родительница заявила:

— Я нашла своего суженого и вашего нового папу! Я его нашла! Не человек, а золото!

Анжела насторожилась, потому что обычно мама весьма скептически относилась к своим хахам, начиная с их недостатков, которых обычно было намного больше, чем достоинств.

Но не придавала этому особого значения, решив, что через недели три-четыре все, как водится, само собой рассосется.

Не рассосалось.

Мама представила им свою неземную любовь — и Анжела была вынуждена признать, что в этот раз она, кажется, не прогадала.

Хоть обычно (но далеко не всегда) мама специализировалась на выходцах из Африки или Южной Европы, ее избранником оказался среднего роста спортивный блондин с ярко-голубыми глазами.

— Артур, — представился он, подавая Анжеле руку.

Никто из маминых хахалей ей руку до этого не подавал: или трепали по голове, или по щечке, или даже по коленке.

Один, когда мама не видела, даже стал щупать ее грудь, за что был укушен в свои шаловливые пальчики и, протяжно подвывая, с позором бежал из их квартиры.

Хотя, кажется, тогда они жили в комнате в общезжитии (и даже не железнодорожном, а от пищевого техникума).

На руке у Артура Анжела заметила солидный перстень-печатку с замысловатым вензелем.

— А вы, кажется, Анжела? — произнес он глубоким голосом, а Анжела поняла, что начала млеть.

Хотя бы потому, что он был первым, кто обратился к ней на «вы»!

Артур оказался *крайне* солидным бизнесменом, причем не просто состоятельным, а *невероятно* состоятельным.

Они посетили его загородный дом, который, впрочем, оказался настоящим дворцом. Располагался он даже не в тех элитных поселках, где проживали *лучшие люди города*, а на территории местного природоохранного объекта, в сосновом бору, с выходом с одной стороны к озеру, а с другой к реке.

В зоне видимости располагалась загородная частная резиденция местного губернатора, с которым Артур был на короткой ноге.

Где и как они познакомились с мамой, история умалчивала, во всяком случае, для Анжелы. Мама делала туманные намеки, однако каждый раз разные.

— У него не одна фирма и даже не две. И даже не пять. *А двадцать девять!* Ты только подумай, дочка, двадцать девять! У него собственный холдинг. И он не женат!

Артур, как узнала из газет и местного телевидения Анжела, был одним из ведущих бизнесменов региона и имел закадычных друзей среди руководителей города и области.

— Мы переезжаем к Артуру! — заявила мама через очень короткий срок после того, как представила своего ухажера (уже не хахаля) дочке и сыну.

— У каждого из вас будет своя комната! Отдельная! А если захотите, даже этаж! Артурчик вас любит как своих собственных!

Так оно и было: у Анжелы появилась своя комната, обитая розовыми обоями, обставленная розовой мебелью, с гигантскими мягкими игрушками во всех углах.

Тоже розовыми.

У нее от этой розовости несколько свело зубы, потому как комната Никитки ей понравилась гораздо больше: серые и синие тона, собственный гоночный автомобиль, на котором можно было гонять по коридорам дома-дворца или на газоне.

И никаких тебе мягких игрушек, которых Анжела терпеть не могла.

Но говорить этого Артуру она, естественно, не стала: она не хотела обидеть человека, которого так любила ее мама.

Первые дни в собственном дворце были похоже на сон. Последующие тоже, однако волшебная сказка превратилась в страшную, а в финале в кошмарную.

Началось все с того, что Артур настоял: работать маме не надо. Та не имела ничего против, тем более трудиться горничной в гостинице ей было уже не с руки, но Артур даже не позволил ей попрощаться с коллегами, хотя мама хотела — хотя бы, чтобы похвастаться перед ними своим счастьем.

— Нет, это лишнее.

— Но, милый, я уже пригласила их в ресторан, они все же мои коллеги, хотя и бывшие. Они неплохие, я только на часок...

— *Нет!*

Затем выяснилось, что покинуть дворец маме можно только в сопровождении водителя или охранника Артура — но ни в коем случае не одной.

А когда мама захотела спонтанно отправиться в СПА-салон, она просто не смогла покинуть загородный дом.

Запрещено выходить наружу было не только маме, но и Анжеле, не говоря уже о Никитке. Впрочем, мальчик так был увлечен своим новым жилищем и личным детским автомобилем, что ничего не замечал.

А вот Анжела очень даже отметила, что мама выглядит не только напуганной, но и подавленной. Да и ей самой было не по себе: еще бы, в школу ей возвращаться запретили.

— Но, милый, ей же нужно учиться дальше, в конце концов, она обязана ходить в школу.

— Пойдет в лучшую частную гимназию. Пока утрясаются формальности, пусть сидит дома.

— Но, может быть...

— *Нет!*

А когда однажды утром, спустившись по лестнице в столовую, Анжела увидела маму, в розовом халате с меховой оторочкой, с новой, столь шедшей ей, прической — и с большим фингалом под глазом, она, обняв ее, спросила:

— Это ведь он?

Засуетившись, мама стала уверять, что нет, что это она ночью в душе поскользнулась...

— Это ведь он, — сделала вывод Анжела и подала маме трубку радиотелефона.

— Звони в милицию!

— Дочка, ты что, я делать это не буду! Артур хороший, просто... просто он не любит, когда ему перечат...

— *Ночью в душе*, мама?

Мама упорно не хотела ставить никого в известность, тогда Анжела решила, что сама позвонит в милицию.

Но гудков в трубке не было.

Когда Артур вернулся домой, мама встретила его в изящном вечернем платье, сверкая украшениями, которые он ей подарил.

Так он хотел.

И с фингалом во всю щеку.

Как ни в чем не бывало Артур поцеловал ее в щеку и заявил:

— Выглядишь потрясающе, дорогая.

Затем был ужин в столовой за огромным столом, и мама щебетала, делая вид, что ничего не произошло и ведя речь о сущих пустяках.

После ужина Артур удалился к себе в кабинет, чтобы продолжить работать, и Анжела, решившись (заходить в кабинет Артура было строго-настрого запрещено), постучала в дверь.

Ответа не последовало.

Она постучала еще раз.

Так как ответа снова не было, она зашла — и увидела, что в гигантском, обшитом дубовыми панелями кабинете с массивной аляповатой картиной какого-то сражения, кажется, Бородинского, никого нет.

Но куда же делся Артур?

Она вдруг заметила, что одна из книжных полок, в действительности являясь тайной дверью, стоит приоткрытая.

Анжела подошла к ней — и услышала сдавленные стоны и крики. Она похолодела, не зная, что и делать.

В этот момент из-за полки на нее шагнул Артур, на красивом лице которого застыла странная гримаса.

Его рубашка была расстегнута, грудь вздымалась.

— Извините... Я не хотела мешать... — пролепетала Анжела.

Прикрыв дверь-полку, Артур ответил:

— Не извиняю. Входить в мой кабинет, и это общеизвестно, никому нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Поэтому не извиняю.

И вдруг безо всякого предупреждения ударил Анжелу по лицу тяжелой узкой ладонью.

Девочка вскинулась, хватаясь за щеку и ощущая, как у нее в ушах зазвенело.

Артур же, переменившись, своим обычным любезным тоном заметил:

— Ты хотела со мной поговорить? Чем могу помочь?

Кажется, он на полном серьезе полагал, что она поведет с ним нормальную беседу после того, как он ударил ее по лицу.

Анжела выбежала прочь и бросилась к маме.

Она застала ее в будуаре, где доминировали перламутровые тона: так захотел Артур.

Сидя перед зеркалом в золоченой оправе, мама, все в том же нелепом вечернем платье и с бриллиантовым колье на шее, расчесывала длинные волосы и беззвучно плакала.

Ринувшись к ней, Анжела запричитала:

— Мамочка, нам надо отсюда уехать, как можно быстрее...

Ахнув, мама взяла ее за подбородок.

— Дочка, что случилось? У тебя на лице такой ужасный кровоподтек... Откуда?

Анжела сквозь слезы ответила:

— *Ночью в душе поскользнулась*, мама!

Дверь в будуар распахнулась, и это несмотря на то, что Анжела точно помнила: она закрыла дверь изнутри на ключ.

На пороге стоял Артур, как всегда безупречный и абсолютно невозмутимый.

Значит, у него были ключи от будуара мамы — вероятно даже, от всех комнат его волшебного особняка, вдруг превратившегося в замок злого колдуна.

— Ты ударил мою дочь? — произнесла мама дрожащим голосом. — Ты же обещал, что не тронешь ее...

Артур приблизился к ним.

— Она нарушила правила. Это заслуженное наказание. Я никогда не причиняю никому боль без причины.

Схватив расческу со столика, Анжела бросилась на Артура, но тот рукой легко перехватил ее запястье и сжал его стальной хваткой.

— Я могу его вывихнуть или даже сломать, но делать это не буду. Сейчас не буду. А в другой раз сделаю. Анжела безоговорочно поверила его угрозе.

Отпустив ее, Артур любезно произнес:

— А теперь иди спать.

— Но я не хочу...

— *Иди спать!*

Мама быстро произнесла:

— Дочка, прошу тебя, иди спать!

Анжела вышла прочь, однако не отправилась к себе в спальню, а притаилась в коридоре. Через минуточку из будуара вышла бледная, заплаканная мама, сопровождаемая Артуром.

Анжела проследила, что он отвел ее в кабинет. Выждав несколько минут, она подошла к двери, из-за которой не доносилось ни звука.

Приоткрыв ее немного, Анжела увидела часть стола. Она распахнула дверь шире.

В кабинете *никого не было*.

Она уже знала, куда делся Артур, на этот раз вместе с мамой. Полка-дверь в этот раз была закрыта, и Анжела попыталась сдвинуть ее, однако тщетно: какие бы книги она ни вытаскивала, какие бы завитушки на резьбе ни нажимала, полка с места не сдвигалась.

Мама была там, в этом подвале — вместе с Артуром.

От мысли об этом у нее пошли мурашки по телу.

Понимая, что в логово ее нового *папочки* она не проникнет, Анжела поднялась в комнату к братцу.

Никитка уже спал, мерно посапывая с улыбкой на личике.

Ну, по крайней мере, хоть кто-то счастлив в этом ужасном замке.

Анжела уже провалилась в сон, когда вдруг ощутила, что кто-то схватил ее за руку. Распахнув глаза, она увидела Артура, зависшего над ее кроватью.

— Я имею возможность отслеживать ваши передвижения по дому. Поэтому я увидел, что ты вошла без разрешения в мой кабинет в первый раз. Как, впрочем, и во второй. За первое непослушание ты была наказана. И я сообщил, какое наказание тебя ждет за второе. Я пришел привести его в исполнение.

И он с ужасным хрустом повернул ей запястье.

Приехавший по вызову самого же Артура врач, не сказав ни слова и не задав ни единого вопроса, сделал Анжеле, которая все еще была не в состоянии осмыслить произошедшее, укол обезболивающего, наложил гипс и отбыл.

Все это происходило в гостиной на первом этаже и казалось сюрреалистичным. Артур, сломавший ей запястье (врач, явно профессионал своего дела, моментально определил это), теперь, практически как родной отец, заботился о ней, даже лично приготовил чай (прислуга на ночь не оставалась) и положил ей руку на плечо, пока доктор колдовал над вспухшим запястьем.

Ужаснее всего была даже не боль, даже не обида, а именно эта пудовая рука, покоившаяся на ее плече и словно прожигавшая ее.

Мама не было, и это заботило Анжелу больше всего. Что он с ней сделал?

Когда врач отбыл восвояси, Анжела спросила:

— Где мама?

Артур, усмехнувшись, ответил:

— Мама занята, но к утру освободится.

Анжела закричала:

— Где мама? Мы немедленно уезжаем отсюда...

Артур схватил ее второе, здоровое, запястье.

— Не надо мне перечить. Иначе придется понести наказание. Я могу сломать и это тоже. Или второй раз уже сломанное. В конце концов, подумай о своем милом братике...

Анжела в ужасе закрыла глаза.

В плену у *кого* они оказались?

Похоже, у крайне богатого, влиятельного и столь же сумасшедшего субъекта, который получал удовольствие от...

От боли других людей.

— Пожалуйста, не надо... — попросила Анжела, и Артур отпустил ее руку.

— Это зависит исключительно от тебя. Ты и твой братец мне без надобности. А вот твоя мама...

— Что с ней?

Артур ответил:

— Ты устала, тебе нужен целебный сон. Вот, прими. Он подал ей таблетку.

Розовую.

И даже бокал воды, который самолично наполнил. Еще бы, у него ведь работали обе руки. Никто ему правое запястье не сломал.

А надо бы.

— Не буду!

— Пей! И помни о благе своей мамы.

Схватив таблетку, Анжела сунула ее в рот и запила водой.

— Молодец. Открой рот. Высуни язык. Я должен убедиться, что ты не прячешь ее за щекой. Отлично.

Чувствуя, что в голове у нее начинает гудеть, Анжела заплетающимся языком произнесла:

— Вы меня отравили?

Артур положил ей руку на плечо.

— Нет, это всего лишь сильное седативное. Тебе нужен целебный сон...

Сон... Сон... Сон...

В себя Анжела пришла от того, что кто-то ее тербил. С трудом открыв глаза, она увидела сидящего на ее постели Никитку.

Интересно, как она оказалась в своей комнате, если отключилась на первом этаже?

Артур отнес.

— Соня, вставай! Ты так долго спишь! А что у тебя с рукой?

За окнами было темно: вряд ли еще, вероятно, уже. Она проспала сутки? Или даже двое?

— Так что у тебя с рукой, сестричка?

Посмотрев на братца, Анжела ответила:

— *Ночью в душе поскользнулась.*

Маму она увидела только следующим утром — та, ковыряясь в тарелке, сидела за огромным столом, завтракая вместе с одетым, как всегда, с иголки Артуром.

— Доброе утро! — произнес он тихо и внимательно посмотрел на Анжелу. Та уже знала, что отвечать надо тотчас и с легкой улыбкой.

— Доброе утро!

Мама, мимолетно взглянув на нее, снова опустила голову к тарелке. А Анжела ужаснулась — столько в ее взгляде было безысходности и муки.

— Прими свои таблетки! — сказал Артур, и мама тихо ответила:

— Да, сделаю.

Ее тон явно не понравился их мучителю, который заявил:

— Сейчас же!

И протянул маме уже знакомую Анжеле розовую таблетку.

Не принимай, мама, не принимай!

Однако мама без возражений взяла ее и, положив в рот, запила водой.

— Отлично. Они тебе помогут. Ты не очень хорошо выглядишь, дорогая, — заявил Артур, обращаясь к маме. — Надо бы тебе съездить к косметичке! Вот поспишь и съездишь.

Та кивнула, и хозяин дворца поднялся из-за стола, что означало: завтрак закончен для всех.

— Увидимся вечером! — произнес он и удалился. Когда шофер увез его в город, в офис, Анжела вихрем поднялась по лестнице и подошла к будуару мамы.

Но если та приняла розовую таблетку, то наверняка уже, как и она сама, провалилась в многочасовой беспробудный сон.

Она постучала и толкнула дверь.

Так и есть, мама ничком лежала на огромной кровати под балдахинном, явно погруженная в вызванное розовой таблеткой долгое оцепенение.

Опустившись около нее, Анжела вздохнула и положила здоровую — левую — руку на легкое одеяло, которым была укрыта мама.

И отметила, что вся спина мамы в каких-то странных багровых полосах. Как будто... Как будто ее кто-то бил или стегал.

Но кто и зачем?

Мама слабо вздрогнула и повернулась к ней.

— Ты не спишь, мамочка? — спросила удивленная Анжела, а мама, не открывая глаз, тихо произнесла:

— Садись по-другому, так, чтобы быть спиной к двери. Потому что вон там и вон там, над дверью, в углах, камеры.

Точно — и как Анжела их раньше не заметила? Наверняка подобные были и у нее с спальне — и вообще везде в этом ужасном особняке.

Не заметила, потому что они были неплохо замаскированы. Да и потому что предположить не могла, что подобное вообще возможно.

Оказалось, что *вполне себе* возможно.

Притворяясь, причем очень даже достоверно, спящей, мама с закрытыми глазами продолжила:

— За нами наблюдают его люди, но не думаю, что они непрерывно сидят у экрана и следят за всем. Только если мы попытаемся бежать или поведем себя как-то не так, они забьют тревогу. Впрочем, как он мне сам сказал и как я проверяла, нас не прослушивают, это слишком большая морока, ограничиваются картинкой. А так как я приняла таблетки и должна еще до второй половины дня дрыхнуть, то и я буду «дрыхнуть».

— Мамочка, но как же так... Они на тебя не подействовали?

Мама легонько усмехнулась.

— Не забывай, в каких местах я работала. Там люди всякое глотали, и хотя я сама к этому не прикасалась, но имею представление, что это делает с человеком. И кроме того, наслышалась о кое-каких трюках, например, как сделать вид, что ты принял таблетку, хотя на самом деле этого не сделал. Тем более он только первые несколько раз проверял, а потом перестал. Уж слишком он самоуверенный.

Плача, Анжела спросила:

— Мамочка, он сломал мне руку. И по лицу ударил!